

An anime-style illustration of a young man and woman standing outdoors. The man, on the left, has short brown hair and is wearing a black Adidas hoodie with white stripes on the sleeves. The woman, on the right, has long dark hair and is wearing a white Adidas crop top with pink stripes on the sleeves and pink athletic pants. They are both looking towards the viewer. The background shows a blurred outdoor setting with greenery and a blue sky.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ПАРЕНЬ В АДИДАСЕ И
ДЕВУШКА МИЛЛИОНЕРША

Сергей Патрушев

**Парень в Адидасе и
девушка миллионерша**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Парень в Адидасе и девушка миллионерша / С. Патрушев —
«Автор», 2026

Осенним вечером в маленькой кофейне случайно встретились двое: Егор — скромный фрилансер в выцветшем «Адидасе», для которого жизнь — это борьба за выживание, и Алиса — девушка из мира роскоши, сбежавшая от отцовского контроля и навязанного брака с нелюбимым человеком. Один взгляд, одна случайная встреча становится началом истории, которая изменит всё. Этот роман — не просто любовная история. Это глубокое исследование человеческих душ, оказавшихся на перепутье. Вместе героям предстоит пройти через испытания, которые проверят их на прочность: побег, погоня, потери близких, обретение новой семьи и поиск настоящего себя. Они найдут убежище в забытой богом деревне, где время течет иначе, где лес хранит древние тайны, а простые ценности обретают истинный смысл. Это книга о том, что счастье не в деньгах, а в умении любить и прощать. О том, что настоящий дом там, где тебя ждут. И о том, что даже в самой безнадёжной ситуации можно найти свет, если рядом есть тот, кто верит в тебя.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Парень в Адидасе и девушка миллионерша

Глава 1. Вкус дождя на асфальте

Осень в этом году припозднилась. Сентябрь выдался сухим и звонким, но к середине октября небо, наконец, прорвало, и теперь город второй день захлебывался в мелкой, противной мороси. Асфальт блестел, как спина огромного черного кита, отражая расплывчатые пятна фонарей и стоп-сигналов. Воздух был наполнен запахом мокрой пыли, жженой резины от бесконечных пробок и прелых листьев, намертво прилипших к тротуарной плитке.

В кофейне на углу Советского проспекта было тепло и сыро от пара, который поднимался от каждой второй чашки. Пахло корицей, терпким эспрессо и ванилью. Огромные панорамные окна запотевали изнутри, превращая мельтешащий за ними мир в размытую акварель.

Он сидел за самым дальним столиком, у стены, где розетка была спрятана за металлической перегородкой батареи. Его звали Егор. Для друзей – просто Гор. Для тех, кто проходил мимо, не замечая, – просто парень в старом, выцветшем «Адидасе». Штаны с лампасами на коленках вытерлись до белизны, куртка-«олимпийка» на молнии была великовата, словно с чужого плеча, а на ногах – потертые кеды, мокрые и темные от влаги. Капюшон он так и не снял, и теперь тот лежал на спине мокрым бесформенным комом.

Перед Егором стоял его «рабочий инструмент» – старенький, заклеенный синей изолентой нетбук. Единственная вещь, которая связывала его с миром, где можно было заработать на хлеб и оплату этой самой кофейни, где разрешали сидеть часами за одним стаканом чая с бергамотом. Чай давно остыл, пакетик опустился на дно коричневой размокшей тряпочкой, но Егор этого не замечал. Он стучал по клавишам, иногда поправляя сползающие на нос очки в тонкой металлической оправе. Пальцы летали быстро, на автомате, выдавая очередные строчки кода для мелкого заказа на фрилансе. Работа не требовала творчества, только внимательности, и мысли его были где-то далеко.

Иногда он поднимал голову и смотрел в запотевшее окно. Там, в электрическом свете фар, проплывали люди. Быстрые, укутанные в шарфы, с зонтами, похожие на разноцветных медуз. Деловые женщины на высоких каблуках, нервно цокающих по мраморным ступеням крыльца, студенты с мокрыми рюкзаками, пожилая пара, спорящая о чем-то под одним зонтом на двоих. Они все куда-то спешили, у каждого была своя теплая нора, свой маршрут, своя жизнь, в которой Егору не было места. Он был сгустком статического электричества в этом динамичном потоке. Человек-функция, человек-тень. Мебель.

Дверь кофейни открывалась и закрывалась, впуская клубы влажного холода и выдыхая тепло наружу. Звякал колокольчик. Очередь у стойки росла и таяла. Бариста – лохматый парень по имени Тим – лениво перекрикивался с постоянными клиентами. Жизнь текла размеренно и предсказуемо, как остывание его чая.

И вдруг эта предсказуемость разбилась вдребезги.

Звук, с которым распахнулась дверь, отличался от обычного звона колокольчика. В нем было больше силы, больше воздуха, больше жизни. Егор поднял глаза, скорее от рефлекса на резкий шум, чем от интереса.

Она стояла на пороге, на фоне серого, морозящего вечера, как цветной слайд, случайно вставленный в черно-белый фильм. Девушка. На ней было легкое, совсем не по погоде, пальто песочного цвета, распахнутое нараспашку, под ним – идеально сидящее бежевое платье. В руке она сжимала зонт, с которого на паркетный пол натекала уже целая лужа, но, кажется, она этого не замечала. Светлые, почти платиновые волосы были небрежно собраны в невесомый пучок, из которого выбивались тонкие пряди, и на них оседали мелкие капельки дождя, превращаясь в маленькие бриллианты. Ее лицо... Егор никогда не видел таких лиц. Не в том смысле, что оно было невероятно красивым (хотя это было так), а в том, что на нем читалась такая степень отрешенности и какой-то хрупкой, злой усталости, которую обычно прячут за масками.

Она оглядела зал. Взгляд скользнул по стойке, по диванчикам у входа, по компании шумных студентов и... остановился на нем. На Егоре. На человеке в мокром «Адидасе» за дальним столиком.

Секунду они смотрели друг на друга. Егору показалось, что в ее глазах цвета крепкого чая с молоком он увидел что-то, похожее на немой вопрос: «А здесь можно спрятаться?». Или, может быть, ему просто показалось.

Она направилась прямо к нему. Не к стойке, не к свободному столику у окна, а именно к нему. Шла она плавно, бесшумно, оставляя за собой на паркете влажный след от подошв туфель, которые стояли, наверное, как его месячная аренда комнаты. Егор инстинктивно захлопнул крышку ноутбука, словно его застали за чем-то неприличным.

Девушка остановилась напротив, даже не спросив, свободно ли рядом. Просто поставила свою сумку – мягкую, темно-синюю, с золотистой цепочкой – на соседний стул. Сумка была слишком дорогой для этой кофейни, для этого района, для этого вечера.

– Здесь не дует? – спросила она.

Голос оказался таким же, как и взгляд – с легкой хрипотцой, низкий, чуть надменный, но в этой надменности чувствовалась не спесь, а привычка быть одной.

Егор мотнул головой, не зная, куда деть руки. Одна непроизвольно дернулась поправить очки, другая – спрятать под стол потертый рукав олимпийки.

– Нет, – выдавил он тихо. – Тихо тут.

Это было глупо. В кофейне играла приглушенная музыка, шумел пар от кофемашины. Но она поняла. Кивнула и села напротив, бросив на столик мокрые перчатки.

Она сделала заказ, даже не взглянув на меню: «Капучино на миндальном, двойной, покрепче». Тим за стойкой понимающе кивнул.

Егор устался в свой остывший чай, чувствуя себя неловко и странно. От нее пахло дождем и очень дорогими духами – сложный, горьковато-сладкий аромат, который, казалось,

заполнил собой все пространство вокруг их столика, вытеснив запах корицы и ванили. Она достала телефон – новейшую модель в зеркальном чехле – и уставилась в экран, но Егор видел, что она не читает. Она просто смотрела, водила пальцем по строчкам, не останавливаясь.

Он снова открыл ноутбук, попытался вернуться к работе, но строчки кода рассыпались. Мысли путались. Его раздражала собственная реакция. Ну, села девушка за столик, мало ли. Кофейня публичная. Но что-то в воздухе изменилось. Стало электрически напряженно.

Минут через пять она вдруг заговорила, не поднимая глаз от телефона:

– У тебя получится?

Егор вздрогнул.

– Что?

– Закончить. То, что ты делаешь, – она кивнула на его компьютер. – А то ты на меня залип, и экран погас.

Он покраснел. До корней волос, до кончиков ушей, которые предательски загорелись под мокрым капюшоном.

– Я не залип. Я... просто задумался.

– А, – коротко ответила она и, наконец, отложила телефон.

Их взгляды встретились снова. И в этот раз Егор не отвел глаз. Он увидел под глазами у нее едва заметные тени, следы от бессонной ночи или нескольких. И эту странную, надломленную линию губ, которая никак не вязалась с ее холеным видом.

За окном, не переставая, моросил дождь. В кофейне играла старая пластинка, которую Тим иногда ставил для настроения. А за маленьким столиком в углу, пропахшем дешевым чаем и дорогими духами, столкнулись два разных мира. Мир, где выпетший «Адидас» – это вся имеющаяся одежда, и мир, где сумка стоит как подержанная машина. И в тишине, повисшей между ними, уже зарождалось что-то, чему Егор пока не мог подобрать названия.

Глава 2. Стекло и бетон

Она не ушла после того, как допила свой капучино. Заказала еще один, потом минеральную воду без газа. Егор делал вид, что работает, но краем глаза видел, как она крутит в пальцах телефон, то включая, то выключая экран. Тонкие пальцы с идеальным маникюром цвета слоновой кости тербели край салфетки, скручивая её в жгут, потом расправляя обратно. Нервный жест, который совсем не вязался с её внешним спокойствием.

К полуночи кофейня опустела. Тим начал демонстративно греметь чашками за стойкой, намекая, что пора сворачиваться. Егор обычно уходил одним из последних, когда охрана торгового центра, в чьей галерее находилась кофейня, начинала вежливо выпроваживать посетителей. Сегодня он ждал, когда уйдет она, но она не уходила.

– Эй, – негромко окликнула она, когда Егор в очередной раз поправил очки и уставился в потухший экран. – Тут закрываются.

Он поднял голову. Она смотрела на него в упор, без тени улыбки.

– Знаю, – ответил он. – Я обычно ещё посидеть успеваю.

– А я нет. Меня здесь никто не знает.

Она сказала это так просто, будто речь шла о погоде, но Егор почувствовал в этих словах что-то другое. Одиночество. Такое же густое и осязаемое, как пар от его остывшего чая.

Они вышли на улицу почти одновременно. Она застегнула своё лёгкое пальто на одну пуговицу, даже не пытаясь защититься от пронизывающего ветра. Дождь почти перестал, только крупные капли неторопливо падали с козырька крыши, разбиваясь об асфальт с тихим, стеклянным звоном. Воздух после кофейной духоты показался Егору невероятно свежим, даже сладким. Город умылся, но спать ещё не лёг. Где-то вдалеке гудели машины, у светофора перемигивались зелёным и красным огни такси.

Она остановилась на крыльце, достала пачку сигарет. Тонкие, женские, с золотистым ободком у фильтра. Егор замер в нерешительности. Уйти сейчас, молча раствориться в темноте – было бы правильно, логично. Их случайная встреча закончилась. Но ноги будто приросли к мокрой плитке.

– Ты куришь? – спросила она, не оборачиваясь, глядя на пустую дорогу.

– Нет.

– И правильно. Глупая привычка.

Она закурила, выпустила струйку дыма в сырой воздух. Дым смешался с туманом, поднимающимся от асфальта, и исчез.

– Меня Алиса зовут, – сказала она вдруг, всё так же глядя вперёд.

– Егор.

– Красивое имя. Старое, настоящее.

Он не знал, что ответить, поэтому просто стоял рядом, сунув руки в карманы мокрой олимпийки. В свете фонаря он видел её профиль – точёный, с чуть вздёрнутым носом и длинными ресницами, на которых оседала влага. Она была прекрасна той холодной, отстранённой красотой, которая обычно принадлежит глянцевым журналам или витринам дорогих бутиков. Но сейчас, в этом тусклом свете, с сигаретой в руке и мокрыми волосами, она казалась почти живой, почти настоящей.

– Ты здесь работаешь? Или учишься? – спросила она, докурив и затушив окурочек о край урны.

– Работаю. Фриланс. Пишу код, сайты делаю, программы мелкие. На дому, – он мотнул головой куда-то в сторону спальных районов. – А ты?

Она усмехнулась. Усмешка вышла горькой, безрадостной.

– Я? Я ничего не делаю. Я просто есть.

Повисла пауза. Где-то хлопнула дверь подъезда, залаяла собака. Обычные звуки спящего города.

– Слушай, – она резко повернулась к нему, и он увидел в её глазах отчаяние, которое она так старательно прятала весь вечер. – Тут не ловит такси. Совсем. Приложение виснет. А я без машины. Ты не проводишь меня до проспекта? Там поймаю.

Егор растерялся. Проводить? Её? Сейчас? Посмотрел на её туфли на тонкой шпильке, на мокрый асфальт, на лужи, в которых отражались огни витрин.

– Далеко? – спросил он глухо.

– Минут десять пешком, – она повела плечом, поправляя сползающую лямку сумки. – Если по набережной.

Набережная. Там ветер с реки всегда пронизывающий, особенно в такую погоду. Но отказать он не смог.

Они пошли вдоль кованой ограды, за которой чернела вода. Река дышала холодом и сыростью, пахло тиной и далёким бензином от редких катеров. Она шла медленно, осторожно переступая через лужи, иногда поскальзываясь на мокрой брусчатке. Егор поймал себя на том, что инстинктивно хочет поддержать её под локоть, но не решается. Руки так и остались в карманах.

– Почему ты там сидел? – спросила она неожиданно. – В самом углу, у батареи. Стеснялся людей?

– Привык, – пожал он плечами. – Там розетка есть. Ноутбук заряжать.

– А, – она кивнула, будто этот простой ответ что-то объяснил ей в устройстве мира. – Удобно.

Она остановилась у парапета, оперлась руками на холодный металл, глядя в чёрную воду. Егор встал рядом, чувствуя, как ветер треплет его мокрый капюшон.

– Знаешь, в чём разница между нами, Егор? – спросила она тихо, почти шёпотом.

Он молчал, боясь спугнуть эту странную исповедь.

– Ты знаешь, зачем встаёшь по утрам. У тебя есть дело, есть этот твой код, есть заказчики. А у меня... у меня есть деньги. Очень много денег. И пустота. Огромная, холодная пустота, больше, чем эта река.

Она говорила спокойно, без надрыва, но каждое слово падало в тишину тяжёлым камнем. Егор смотрел на её тонкий профиль, на то, как ветер играет выбившимися прядями волос, и впервые в жизни ему захотелось кого-то обнять. Не с вожделением, не с похотью, а просто чтобы согреть. Чтобы этот холодный, прекрасный, несчастный человек хоть на миг перестал дрожать.

– Это пройдёт, – сказал он неуклюже. – Утро вечера мудренее.

Она повернула голову и посмотрела на него с удивлением. Словно только что заметила, что он вообще умеет говорить.

– Ты смешной, – уголки её губ дрогнули в подобии улыбки. – В хорошем смысле. Спасибо, что пошёл.

До проспекта дошли молча. Светофор горел красным, хотя машин на пустой дороге не было. Она остановилась на краю тротуара, подняла руку, и первое же такси, словно материализовавшись из темноты, притормозило рядом.

Алиса открыла дверцу, бросила сумку на заднее сиденье, и только потом обернулась к Егору. Он стоял, в своих мокрых кедах, в своей выцветшей олимпийке, с ноутбуком за спиной, и смотрел на неё.

– Пока, Егор, – сказала она. – Может, ещё увидимся.

– Пока, – ответил он.

Машина уехала, оставив после себя только облачко выхлопного газа и запах мокрой резины. Егор постоял ещё минуту, глядя на удаляющиеся красные огни, а потом медленно побрёл в сторону метро. В кармане завибрировал телефон – сообщение от Тима: «Ты где? Она уехала? Ну как?». Егор убрал телефон, не ответив.

Всю дорогу домой, в вагоне метро, где пахло сырой одеждой и сном, он думал о ней. О её глазах, о её голосе, о том, как она сказала «пустота». Он никогда не думал, что богатые могут быть несчастными. Для него деньги всегда были синонимом свободы, возможности, тепла. А оказалось, что и в золотой клетке можно замёрзнуть насмерть.

Дома, в своей маленькой комнате с ободранными обоями, он сел на кровать, включил ноутбук и долго смотрел в темноту за окном. Потом открыл поисковик и, сам не зная зачем, набрал: «Алиса миллионерша». Поиск выдал тысячи ссылок, но ни одной с её лицом. Он даже не знал её фамилии.

Алиса. Просто Алиса, которая замерзает на ветру у чёрной реки. Странная, незнакомая, чужая. И почему-то вдруг ставшая близкой, как никто другой.

Глава 3. Отражения в витринах

Неделя прошла как в тумане. Егор ловил себя на том, что постоянно смотрит на дверь кофейни, вздрагивает при каждом звоне колокольчика, но её силуэт в песочном пальто так и не

появлялся. Тим подкалывал его, спрашивая, не влюбился ли случайный фрилансер в девушку с картинки, но Егор только отмалчивался и глубже зарывался в свой код.

Заказов было много. Приближалась зима, и мелкие предприниматели спешили обновить сайты к сезону распродаж. Он работал ночами, почти не спал, но сон всё равно не шёл – стоило закрыть глаза, как перед ними вставала чёрная гладь реки и её профиль на фоне ночных огней.

В пятницу вечером Тим позвал его за стойку, протянул двойной эспрессо «за счёт заведения» и кивнул на окно.

– Смотри, какая тачка подъехала.

Егор обернулся. У входа в кофейню, прямо на пешеходной зоне, заставленной скамейками и урнами, стоял длинный чёрный автомобиль с тонированными стёклами. Такие машины он видел только в фильмах или когда проезжал мимо самых дорогих отелей в центре. Из машины никто не выходил. Она просто стояла, урча двигателем, привлекая взгляды прохожих.

– Бентли, – присвистнул Тим. – Купаться приехала в наш гадюшник.

Егор пожал плечами и вернулся за свой столик. Машины его не интересовали. Он допивал уже третий за день чай, когда дверь открылась и в кофейню вошёл мужчина.

Высокий, в идеально сидящем тёмном пальто, с сединой на висках и тяжёлым, немигающим взглядом. Он оглядел зал и направился прямо к Егору. Подошёл, не спрашивая разрешения, сел напротив, положив на стол кожаные перчатки.

– Егор? – спросил он глухим, поставленным голосом.

Сердце ухнуло куда-то вниз. Егор медленно кивнул, чувствуя, как пересыхает в горле.

– Мне нужно поговорить с вами об Алисе.

Мужчина говорил спокойно, без угрозы, но от его взгляда хотелось провалиться сквозь землю. Он представился – Павел Андреевич, отец Алисы. Сказал, что разыскал Егора по камерам в торговом центре и оплате картой за чай. Егор даже не знал, что оплачивал чай картой в тот вечер, когда они встретились. Видимо, зря.

– Что вы хотите от меня? – спросил Егор, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Павел Андреевич сцепил пальцы в замок и посмотрел куда-то в сторону, за окно, где всё так же стоял чёрный «Бентли».

– Алиса пропала, – сказал он тихо. – Третий день. Дома не ночует, на звонки не отвечает, друзья ничего не знают. В последний раз её видели здесь, в этом районе. С вами.

Егор открыл рот и закрыл. Пропала? Та хрупкая девушка с глазами, полными отчаяния? Мысли заметались в голове с бешеной скоростью.

– Я не знаю, где она, – выдохнул он. – Мы виделись один раз. Проводил до такси. Всё.

– Я знаю, – кивнул отец. – Я уже посмотрел записи. Вы не садились в машину, не брали у неё ничего. Но она говорила с вами. О чём?

Егор замялся. Рассказывать отцу, что его дочь жаловалась на пустоту и холод незнакомому парню в дешёвой одежде? Это было бы предательством.

– О жизни, – сказал он уклончиво. – Она была расстроена. Сказала, что у неё всё есть, но ничего не радуется.

Павел Андреевич тяжело вздохнул. Впервые в его каменном лице мелькнуло что-то человеческое – усталость, боль, отчаяние.

– Она всегда была такой. С детства. Всё давали, всё позволяли, а счастья нет, – он провёл рукой по лицу. – Лечили, возили к психологам, по миру таскали. Бесполезно. А теперь вот...

Он замолчал, и в тишине Егор услышал, как гулко стучит его собственное сердце.

– Я не просто так пришёл, – продолжил отец после паузы. – У меня к вам предложение. Найдите её. Вы последний, с кем она говорила. Может, она вам доверилась больше, чем нам.

– Я? – Егор растерянно моргнул. – Но я даже фамилии её не знаю. И вообще... Я не сыщик, я программист.

– Это неважно, – отрезал Павел Андреевич. – У меня есть люди, которые могут искать. Но они будут её пугать, ловить, тащить домой. А она не хочет домой. Она хочет... – он запнулся, – ...свободы, наверное. Или просто тишины. Вы можете дать ей это. Поговорить, понять, привести обратно живой и невредимой.

Он достал из внутреннего кармана пальто конверт и положил на стол. Конверт был плотный, не заклеенный, и Егор увидел край купюры. Тысяча евро? Пять тысяч? Он не разбирался в валютах, но сумма явно была огромной.

– Это задаток. Если найдёте – получите столько же. Или больше. Сколько скажете.

Егор смотрел на конверт, и в голове шумело. На эти деньги можно было жить полгода, не работать, купить нормальную куртку вместо старой олимпийки, оплатить комнату вперёд. А можно было просто встать и уйти, сказав, что это не его дело. Но перед глазами стояла Алиса. Её глаза. Её шёпот про пустоту.

– Я попробую, – сказал он тихо, не прикасаясь к конверту. – Но деньги не возьму. Если найду – тогда поговорим.

Павел Андреевич посмотрел на него с удивлением. Потом в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

– Странный ты парень, Егор, – сказал он, поднимаясь. – Ладно. Вот моя карточка. Если что-то узнаете – звоните в любое время. И... будьте осторожны. Она не одна, наверное. Может быть с кем-то.

Он ушёл так же внезапно, как появился. Чёрный «Бентли» бесшумно отъехал, растворяясь в потоке машин. Тим подошёл к столику, глядя на конверт, который так и остался лежать нетронутым.

– Ни хрена себе, – присвистнул он. – Ты чё, в телохранители записался?

– Нет, – Егор убрал конверт в рюкзак, даже не заглянув внутрь. – В искатели.

Весь вечер и всю ночь он просидел за компьютером, пробивая по соцсетям любые упоминания об Алисе. Но её не было в открытом доступе. Ни одной страницы, ни одного фото. Она словно жила в невидимом мире, куда простым смертным входа нет. Только в новостных лентах мелькала фамилия отца – известный промышленник, меценат, входит в списки Forbes. Алиса была его единственной дочерью. Исчезновение пока не афишировали, боялись паники и похитителей.

Наутро Егор поехал на набережную. Туда, где они стояли с ней в тот вечер. Было холодно, серое небо низко нависало над водой, моросил мелкий снег с дождём. Он обошёл все окрестности, заглянул в каждый дворик, в каждую подворотню. Спрашивал прохожих, показывал описание, которое составил со слов отца. Никто её не видел.

Уже вечером, продрогший до костей и отчаявшийся, он зашёл в маленькое кафе на набережной, чтобы выпить горячего чая. Кафе было старым, с облезлыми стенами и дряхлой мебелью, но здесь хотя бы топили печку. Егор сел у окна, глядя, как за стеклом кружатся редкие снежинки.

– Вы кого-то ищете? – раздался голос над ухом.

Он поднял голову. Перед ним стояла пожилая женщина в фартуке, с влажной тряпкой в руках. Она кивнула на окно.

– Я видела вас сегодня, ходите туда-сюда, спрашиваете всех. Потерял кого?

Егор замаялся, но потом показал фото в телефоне. Единственное, которое успел сделать в тот вечер, когда Алиса стояла у паркета. Нечёткое, тёмное, но её лицо можно было разглядеть.

– Девушка эта, – кивнула женщина. – Была здесь. Третьего дня. Сидела вон за тем столиком, пила кофе и плакала. Я запомнила, потому что одета дорого, а плачет, как простая. Потом ушла. А через час приехала другая машина, чёрная, и её увезли.

– Увезли? Кто? – Егор вскочил, чуть не опрокинув чашку.

– Не знаю, милый. Мужики какие-то. Не наши, не местные. С ней не спорили, она сама села, добровольно. Но лицо у неё было... будто на казнь едет.

Женщина покачала головой и ушла на кухню, оставив Егора в растерянности. Он снова сел, уставившись в темноту за окном. Сама села. Добровольно. Значит, не похищение. Значит, она знала тех людей. Или боялась их настолько, что спорить не стала.

Он достал телефон, набрал номер отца. Трубку взяли после первого гудка.

– Павел Андреевич, – сказал Егор глухо. – Я кое-что узнал. Она была здесь, на набережной. Её увезла какая-то чёрная машина. Она села сама. Вы знаете, кто это мог быть?

В трубке повисла тяжёлая тишина. Потом отец выдохнул:

– Знаю. Спасибо, Егор. Дальше я сам.

И положил трубку.

Егор смотрел на погасший экран, и в груди росло холодное, нехорошее предчувствие. Что-то здесь было не так. Что-то, о чём отец не договаривал. Или не хотел говорить.

Алиса, где бы она ни была, сейчас нуждалась в помощи больше, чем когда-либо. И почему-то Егор был уверен: никто, кроме него, не сможет до неё достучаться. Даже если весь мир с её деньгами и связями будет против.

Глава 4. Тот, кто ждал за дверью

Неделя прошла в тягостном ожидании. Егор звонил отцу каждый день, но тот либо не брал трубку, либо отвечал сухо: «Ищем. Ждите». От этих коротких, обрубленных фраз хотелось выть. Ждать он не умел. В его мире всё решалось быстро: написал код – получил деньги – заплатил за комнату. Пустое, выматывающее ожидание было похоже на медленное удушение.

Он почти перестал спать. Сидел ночами с ноутбуком, но не работал – листал новости, искал любые упоминания о семье Алисы, вглядывался в фотографии светских мероприятий, надеясь увидеть её лицо в толпе. Безуспешно. Алиса словно исчезла с радаров не только для него, но и для всего мира.

Тим уговаривал его поесть, подкладывал в тарелку пирожные, но Егор только отодвигал их в сторону. Кофе пил литрами, отчего сердце начинало колотиться где-то в горле, а руки мелко дрожали.

В среду, ближе к полуночи, когда кофейня уже готовилась закрываться, дверь открылась и вошла она.

Егор не поверил своим глазам. Протер очки, протер глаза, но видение не исчезало. Алиса стояла на пороге в том же песочном пальто, только теперь оно было грязным, в пятнах, и одна пуговица болталась на нитке. Волосы растрепаны, под глазами тени глубже, чем у самой беспроектной ночи, а на скуле – лиловый, уже начавший желтеть синяк.

Она посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом, потом медленно подошла к столу и села напротив, даже не спросив разрешения. Села и уставилась в одну точку на стене.

– Алиса, – выдохнул Егор. – Господи, ты где была? Тебя ищут, отец с ума сходит, я...

– Отец, – перебила она тихо, и в этом одном слове было столько горечи, что Егор замолчал на полуслове. – Отец знает, где я была. Он всегда знает.

Она подняла на него глаза. В них не было слёз. Вообще ничего не было – только ровная, холодная пустота, от которой у Егора зануло под ложечкой.

– Дай закурить, – попросила она.

– Я не курю.

– Жаль.

Тим, увидев её, принёс два капучино без заказа и быстро исчез за стойкой, делая вид, что очень занят мытьём посуды. Алиса обхватила чашку ладонями, согреваясь, и долго молчала. Егор не решался нарушить тишину.

– Ты спрашивал меня, – заговорила она наконец. – Искал. Я знаю. Мне сказали.

– Кто сказал?

– Люди отца. Они за мной следят. Всегда следили. Думаешь, я сама пришла? Меня привезли. Сказали: или ты идёшь к нему, или мы тебя закрём. Я выбрала тебя.

Она усмехнулась, но усмешка вышла кривой, почти жалкой.

– Ты даже не представляешь, во что ввязался, Егор. Мой отец – не просто бизнесмен. Он... – она запнулась, подбирая слово. – Он человек, который привык всё контролировать. Меня, мою жизнь, мои мысли. Даже тех, кто рядом со мной появляется.

Егор слушал, и внутри разрастался холод. Он вспомнил тот конверт с деньгами, предложение «найти её», странный взгляд отца, когда он узнал про чёрную машину.

– Это он тебя? – Егор кивнул на её скулу.

Алиса провела пальцем по синяку, поморщилась.

– Нет. Это другие. Которым он поручил меня «спасать». Они спасали три дня в каком-то подвале, пока я не пообещала, что буду паинькой и выйду замуж за того, за кого скажут.

– Замуж? – Егор почувствовал, как земля уходит из-под ног.

– А ты думал, почему я сбежала в тот раз? – она посмотрела на него в упор. – Меня сосватали. Выгодная партия, объединение капиталов, всё такое. Жених – старый, противный, с руками, которые помнят, как бить своих бывших жён. Я сказала «нет». Отец сказал «да». И началось.

Она допила кофе одним глотком, обжигаясь, но даже не поморщилась.

– Я не хотела втягивать тебя. Честно. Поэтому уехала тогда одна. Думала, спрячусь, пережду, придумаю что-нибудь. Но меня нашли. Всегда находят. А ты... ты единственный, кто не взял денег. Кто просто пошёл за мной, потому что... – она запнулась, – ...потому что поверил.

Егор сидел, оглушённый, раздавленный, и пытался переварить услышанное. Мир, в котором он жил – с его простыми проблемами, с оплатой за комнату и заказами на сайте, – рухнул, обнажив другую реальность. Жестокую, холодную, где людей продают и покупают, как вещи, и где деньги решают всё.

– Что теперь? – спросил он хрипло.

Алиса посмотрела на него долгим, изучающим взглядом.

– А ты правда хочешь знать? Правда хочешь остаться? Если да – потом поздно будет бежать. Они тебя не простят. Ни меня, ни тебя. Сотрут в порошок.

Егор вспомнил свою комнату с ободранными обоями, свой старый ноутбук, свой выцветший «Адидас». Вспомнил, как мёрз на набережной, ища её, как не спал ночами, как сердце заходило от одной мысли, что с ней что-то случилось.

– Я уже остался, – сказал он просто. – В тот вечер, когда ты села за мой столик.

В её глазах впервые за весь разговор мелькнуло что-то живое. Тёплая искра, которая тут же погасла, спряталась глубоко внутрь.

– Тогда слушай, – сказала она тихо, наклоняясь ближе. – У меня есть план. Безумный, опасный, но это единственный шанс. Нужно исчезнуть. По-настоящему. Так, чтобы даже отец со своими людьми не нашёл. Начать всё сначала. Где-нибудь, где нет денег, нет связей, нет прошлого. Где я буду просто Алисой, а ты – просто Егором.

Он смотрел на неё и видел не ту хрупкую, отчаявшуюся девушку с набережной. Видел ту, которая готова бороться. Которая не сдалась, не сломалась, а искала выход.

– Это возможно? – спросил он.

– Если ты поможешь – да. У меня есть кое-какие сбережения, о которых отец не знает. Немного, но на первое время хватит. Нужно только уехать далеко, туда, где нас не будут искать. И залечь на дно. Надолго.

За окном начало светать. Серый, холодный рассвет пробивался сквозь запотевшие стёкла, окрашивая всё вокруг в призрачные тона. Тим за стойкой задремал, уронив голову на руки. Кофейня жила своей особенной, предутренней жизнью – тихой, сонной, почти нереальной.

– Я согласен, – сказал Егор.

Алиса долго смотрела на него, будто пытаясь найти подвох, обман, скрытый интерес. Не нашла.

– Тогда через два часа на вокзале, – сказала она, вставая. – Западное направление, первый поезд, который будет уходить дальше всего. Билеты возьмишь наличными, без документов, у кассиров на вокзале – там берут. Встретимся у четвёртого пути.

Она наклонилась и быстро, почти незаметно коснулась губами его щеки. Поцелуй был лёгким, как прикосновение крыла бабочки, но Егору показалось, что его ударило током.

– Спасибо, – шепнула она и выскользнула за дверь, растворившись в сером утреннем тумане.

Егор сидел не двигаясь, пока Тим не подошёл и не хлопнул его по плечу:

– Эй, ты жив? Чего она хотела?

– Тима, – Егор поднял на друга совершенно безумные глаза. – Мне нужна твоя помощь. И молчание. Навсегда.

Тим присвистнул, но кивнул. За долгие годы работы в ночную смену он привык ко всему. Почти ко всему.

Через полтора часа Егор стоял у четвёртого пути с двумя билетами в кармане. Старый, дребезжащий поезд, который шёл до маленького городка на границе с Белоруссией, уже подавали под посадку. Людей было мало – раннее утро, будний день, не сезон.

Он увидел её сразу. Алиса шла по перрону в дешёвом пуховике, купленном, видимо, по дороге, с рюкзаком за плечами вместо дорогой сумки. Волосы стянуты в простой хвост, никакой косметики, и от этого она казалась моложе, беззащитнее и... прекраснее.

Она подошла, взяла его за руку. Пальцы у неё были ледяные.

– Не передумал? – спросила тихо.

– Нет.

Они сели в вагон. Поезд тронулся, медленно набирая ход, и вскоре город с его огнями, проблемами, деньгами и властью остался позади. За окном поплыли серые поля, перелески, редкие деревеньки. Егор смотрел на проплывающий мимо пейзаж и чувствовал, как внутри растёт странное, непривычное чувство. Свобода? Страх? Надежда?

Алиса сидела рядом, привалившись к его плечу, и молчала. Иногда её пальцы сжимали его ладонь, будто проверяя, не сон ли это.

– Егор, – сказала она вдруг, когда поезд замедлил ход перед какой-то полустанкой.

– Ммм?

– Ты даже не спросил, люблю ли я тебя. Или ты меня.

Он замер. Правда. Он не спросил. Среди всего этого безумия вопрос о любви казался чем-то неважным, почти неуместным.

– А это важно? – спросил он осторожно.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. В её взгляде не было прежней пустоты – только тепло и усталость.

– Не знаю. Наверное, нет. Важно, что ты здесь. Что ты не сбежал. Что смотрим в одну сторону.

Поезд стучал колёсами, унося их всё дальше от прошлой жизни. Алиса снова опустила голову ему на плечо, и Егор почувствовал, как её дыхание становится ровным, спокойным – она засыпала впервые за много дней.

Он смотрел в окно на бескрайние поля, на низкое серое небо, на редкие огоньки деревень, и думал о том, что в его жизни никогда не было ничего более страшного и более правильного, чем этот побег. Впереди была неизвестность, нищета, может быть, опасность. Но рядом с ним была она. И ради этого стоило рискнуть всем.

Глава 5. Город, которого нет на картах

Поезд прибыл на рассвете. Маленькая станция с облупившейся краской на стенах и одинокой скамейкой утопала в желтой листве, которую не убирали, кажется, с начала сентября. За железнодорожными путями начинался лес – сырой, темный, пахнущий прелью и грибами. А сразу за станцией, в низине, раскинулся городок, которого действительно почти не существовало на картах. Районный центр, каких тысячи по стране: пять этажей хрущевок, церковь с золотым куполом, базарная площадь и бесконечные частные дома с палисадниками.

Егор и Алиса сошли с поезда последними. Проводница проводила их подозрительным взглядом – слишком уж не вписывались они в этот пейзаж: парень в выцветшем «Адидасе» с рюкзаком и девушка в дешевом пуховике, под которым угадывалась порода, не смытая никакой дешевой одеждой.

– Замерзла? – спросил Егор, когда ветер рванул полы его куртки.

– Нет, – Алиса покачала головой и вдохнула полной грудью. Воздух здесь был совсем другим – не городским, не выхлопным, а терпким, лесным, с примесью дыма от печных труб. – Здесь хорошо.

Они пошли по единственной асфальтированной дороге в сторону центра. Город просыпался медленно, нехотя. Где-то залаяла собака, хлопнула калитка, старушка в платке вышла на крыльцо и долго смотрела им вслед, приложив ладонь козырьком к глазам.

Снять жилье оказалось проще, чем они думали. На базаре, где торговали семечками и вязаными носками, Егор увидел объявление, написанное от руки корявыми буквами: «Сдам дом на зиму. Недорого». Телефон был местный, семизначный, без кода.

Хозяин, дед Степан, подъехал через полчаса на раздолбанном «москвиче», долго вглядывался в приезжих, но, получив задаток наличными, сразу подобрел и повез показывать дом.

Дом стоял на окраине, у самого леса. Старый, бревенчатый, с резными наличниками и покосившимся крыльцом. Внутри пахло сухой травой, мышами и еще чем-то давним, забытым,

как из детства. Большая русская печь занимала полкомнаты, пол был деревянный, крашенный коричневой краской, на окнах – кружевные занавески.

– Топить умеете? – спросил дед Степан, подозрительно косясь на Алису.

– Научусь, – ответил Егор.

Алиса молчала. Она стояла посреди комнаты, оглядывая стены, образа в углу, старый ковер на стене с оленями, и в глазах у нее было что-то странное – не страх, не отвращение, а удивление. Будто она попала в музей, где можно жить.

Дед уехал, забрав деньги за два месяца вперед и пообещав привезти дров. Егор закрыл дверь на тяжелый крючок и повернулся к Алисе.

– Ну вот, – сказал он, сам не зная, что сказать. – Наша новая жизнь.

Она медленно прошла по комнате, провела пальцем по запыленному подоконнику, постучала по печке, заглянула в маленькую кухню с чугунной плитой и ржавым ручком. Потом обернулась к нему, и вдруг губы ее дрогнули в улыбке – первой настоящей улыбке за все время, что он ее знал.

– Это лучше, чем любой пятизвездочный отель, – сказала она тихо. – Честно.

Егор выдохнул. Он боялся, что она не выдержит, сломается, захочет обратно в свою теплую, чистую, безопасную клетку. Но она стояла здесь, в этом забытом богом доме, и улыбалась.

Первые дни были похожи на выживание. Егор колол дрова, учился растапливать печь, таскал воду из колодца за три дома. Руки быстро стерлись в мозоли, спина болела, но когда вечером в доме становилось тепло и уютно от огня, а Алиса заваривала чай в большой жестяной кружке, вся боль уходила.

Алиса тоже не сидела без дела. Она оказалась на удивление хозяйственной – чистила картошку, мыла полы, даже научилась месить тесто, хотя первые блины вышли комом и сгорели. Она много молчала, но молчание это было не тяжелым, а спокойным, доверительным. Иногда они сидели на крыльце, глядя, как лес за огородом темнеет, и слушали тишину.

– Ты скучаешь? – спросил Егор как-то вечером.

– По чему? – она удивилась искренне.

– Ну... по городу, по магазинам, по ресторанам, по друзьям.

Она долго молчала, глядя в темноту.

– По магазинам? – переспросила она наконец. – Егор, я объездила полмира. Милан, Париж, Лондон – я там была сотню раз. Мне покупали всё, что я хотела, в ту же минуту. И знаешь, что? Я не помню ни одной купленной вещи. Ни одной. А этот закат... – она кивнула на багровую полосу над лесом, – я запомню навсегда.

Она помолчала и добавила тише:

– И друзей у меня не было. Были люди, которые хотели от меня чего-то. Денег, связей, положения. Когда я сбежала, никто даже не позвонил. Ни один человек. Кроме отца – но он звонил не мне, а своим ищейкам.

Егор взял ее за руку. Пальцы у нее были теплые, уже не ледяные, как тогда, на вокзале.

– Теперь есть я, – сказал он просто.

Она повернулась и посмотрела на него долгим взглядом. В глазах блеснули слезы, но она не плакала.

– Да, – ответила она. – Теперь есть ты.

Через две недели они почти освоились. Егор нашел подработку через интернет – местному фермеру нужен был сайт, чтобы продавать мясо и молоко оптом. Заказ был смешной, денег платили копейки, но на хлеб, молоко и крупу хватало. Алиса ходила в магазин сама, училась выбирать продукты, торговаться с продавщицами, которые поначалу косились на нее, но потом привыкли – тихая, вежливая, не задается.

Однажды утром она разбудила его раньше обычного.

– Вставай, – сказала она, трясая за плечо. – Снег выпал.

Егор выполз из-под горы одеял, натянул штаны и вышел на крыльцо. Мир был белым. Чистым, свежим, искрящимся. Снег лежал на ветках, на крыше, на заборе, даже на старой покрывке, из которой дед Степан сделал клумбу. Воздух был такой прозрачный, что звенело в ушах.

– Красиво, – выдохнул он.

Алиса стояла рядом в его старой толстовке, накинутой поверх ночной рубашки, босиком сунув ноги в его же огромные валенки. Волосы растрепались, щеки покраснели от холода, и она была такой живой, такой настоящей, что у Егора перехватило дыхание.

– Егор, – сказала она, не глядя на него. – Я хочу тебе кое-что сказать.

Он замер.

– Я думала, что сойду с ума в той жизни. Правда. Думала, что проще умереть, чем так жить. А теперь... теперь я просыпаюсь и знаю, зачем. Я хочу увидеть, как ты топишь печку. Я хочу сварить тебе кофе. Я хочу, чтобы мы пошли в лес и я впервые в жизни слепила снеговика. Понимаешь?

– Понимаю, – ответил он хрипло.

– Я не знаю, что будет завтра. Найдут нас или нет. Но сегодня... сегодня я счастлива. Впервые в жизни. Спасибо тебе.

Она повернулась и быстро, будто боясь передумать, поцеловала его. Губы у нее были холодные и сладкие, пахли снегом и утренним чаем. Егор обнял ее, прижал к себе, чувствуя, как бьется ее сердце – часто-часто, как у пойманной птицы.

Снег падал на них, тихий, белый, бесконечный. Где-то далеко, в большом городе, остались деньги, власть, угрозы и страхи. Здесь был только этот миг, это крыльцо, этот лес и они вдвоем.

– Пойдем снеговика лепить, – шепнул Егор.

– Пойдем, – ответила она.

И они пошли, проваливаясь в снег, смеясь, падая, вставая, снова смеясь. Как дети. Как будто завтра никогда не наступит. Или как будто завтра обязательно будет хорошим.

Глава 6. Следы на снегу

Зима в том году выдалась снежной. Сугробы росли так быстро, что Егору приходилось каждое утро откапывать тропинку от крыльца до калитки, а потом до дровяного сарая. Алиса смеялась и называла его «нашим личным снегоуборщиком», но однажды взяла лопату и встала рядом. Вдвоем они справлялись быстрее, а потом, раскрасневшиеся и запыхавшиеся, валились в сугроб и лежали, глядя в белое небо, из которого всё сыпалось и сыпалось.

Она менялась. Егор видел это каждый день, но не мог привыкнуть. Исчезла та надломленная, холодная линия губ, появилась привычка улыбаться просто так, без повода. Она научилась растапливать печь и гордилась этим, как самым большим достижением в жизни. По вечерам она читала вслух старые книги, которые нашла на чердаке – Достоевского, Толстого, какую-то потрепанную подшивку «Науки и жизни» за 1978 год. Егор слушал, чинил старую сетку на раме, чтобы зайцы не объедали кору в саду, и думал о том, что счастье бывает именно таким – тихим, тёплым, почти незаметным.

Тим писал редко, короткими сообщениями: «У вас всё норм?», «Тут спрашивали какие-то, я сказал, что ты уехал в другой город, адрес не знаю». Егор отвечал односложно, чтобы не светить лишнего. Они купили местную сим-карту, а старые засунули в коробку из-под обуви и закопали в лесу – Алиса настояла, сказала, что так надёжнее.

К Новому году дед Степан привёз ёлку. Маленькую, пушистую, ещё с комьями снега на ветках. Они поставили её в ведро с песком, украсили чем нашли – старыми ёлочными игрушками с чердака, бумажными гирляндами, которые Алиса клеила из газет. Егор смастерил звезду из фольги от шоколадки.

Тридцать первого декабря Алиса долго возилась на кухне. Егор слышал, как она ругается с плитой, как звенит посудой, как напевает что-то себе под нос. К вечеру стол ломился от еды – картошка с грибами, солёные огурцы из дедовских запасов, какая-то невероятная курица, запечённая в печи, и даже бутылка дешёвого шампанского, которую Егор купил в местном магазинчике.

– С новым счастьем, – сказала Алиса, поднимая бокал, когда за окном начали взрываться первые петарды.

– С новым, – ответил Егор.

Они сидели на полу у печки, потому что так было теплее, слушали, как потрескивают дрова, как где-то далеко ухают салюты, и молчали. Хорошее, спокойное молчание.

– Егор, – сказала Алиса вдруг, глядя на огонь. – А ты не жалеешь?

– О чём?

– О том, что связался со мной. Что бросил всё – работу, город, друзей. У тебя же была жизнь. А теперь – я и этот лес.

Он долго молчал, собираясь с мыслями.

– Понимаешь, – начал он медленно. – У меня никогда не было ничего, о чём можно жалеть. Комната, ноутбук, заказы. Друзей, кроме Тима, тоже не было. А ты... ты сделала так, что я впервые проснулся и обрадовался утру. Просто потому что ты рядом. Это стоит дороже любых денег.

Она повернулась к нему, и в её глазах плясали отблески пламени.

– Я тебя люблю, – сказала она просто. – Впервые в жизни говорю это не потому, что от меня ждут, а потому что правда.

Егор не нашёл слов. Он просто обнял её, прижал к себе, и они долго сидели так, слушая, как за окном заканчивается старый год и начинается новый.

Январь тянулся медленно, морозно, сказочно. Они ходили в лес на лыжах, которые одолжили у соседского мальчишки. Падали в сугробы, валяли дурака, кормили синиц с руки. Алиса научилась различать следы на снегу – заячьи, лисьи, беличьи. Егор придумывал смешные истории про лесных зверей, и она смеялась так, что эхо летело между замёрзших сосен.

Однажды, в середине января, Егор пошёл в магазин за хлебом. День был солнечный, морозный, снег скрипел под ногами. Он уже подходил к калитке, когда увидел их.

Чёрный внедорожник стоял на дороге, метрах в пятидесяти от дома. Тонированные стёкла, номера чужие, столичные. У машины курили двое – в чёрных куртках, коротко стриженные, с тяжёлыми взглядами.

Егор прошёл мимо, стараясь не смотреть, но краем глаза заметил, как один из них повернул голову и проводил его взглядом. Сердце заколотилось где-то в горле.

Дома он застал Алису у окна. Она стояла белая, как мел, вцепившись пальцами в подоконник.

– Ты видел? – спросила она шёпотом.

– Видел.

– Это они.

– Кто?

– Люди отца. Я узнала машину.

Она отошла от окна и села на лавку, обхватив себя руками. Егор присел рядом, не зная, что сказать. Искать слова было бесполезно. Реальность, от которой они бежали, нашла их. Догнала. Встала у порога.

– Что будем делать? – спросил он.

Алиса молчала долго, глядя в одну точку на полу. Потом подняла голову, и в её глазах он увидел ту самую решимость, которая помогла ей сбежать в первый раз.

– Ничего, – сказала она твёрдо. – Они здесь, потому что хотят, чтобы мы испугались. Чтобы я вышла и поехала с ними. Этого я не сделаю.

– А если они войдут?

– Не войдут. Пока мы сами не выйдем, они не имеют права. У отца длинные руки, но здесь не его территория. Здесь люди другие. Если мы не поддадимся, они уедут.

Егор смотрел на неё и поражался. Эта девушка, которая ещё полгода назад была изнеженной миллионершей, сейчас говорила как партизанка на допросе. Страх в её глазах был, но он не парализовал, а собирал, концентрировал волю.

– Я с тобой, – сказал он.

– Знаю.

Они просидели в доме до вечера. За окном стемнело, машина не уезжала. Время от времени вспыхивал огонёк сигареты – курильщики мёрзли у внедорожника, но не сдавались.

– Есть ещё один выход, – сказала Алиса, когда часы пробили девять. – Мы можем уйти. Прямо сейчас, через лес. До станции пешком часа три, если по тропе. Там ночной поезд. Исчезнуть. Снова.

– А если они пойдут за нами?

– Не пойдут. В лесу темно, они без лыж, без фонарей. Побоятся.

Егор смотрел на неё и видел, что она не шутит. Она готова была бежать снова. Сколько угодно раз. Лишь бы не возвращаться.

– Собирай самое нужное, – сказал он, вставая. – Я возьму документы, деньги, ноутбук. Всё остальное оставим.

Через полчаса они стояли у задней калитки, что вела прямо в лес. Рюкзаки за плечами, тёмная одежда, чтобы сливаться с ночью. Алиса обернулась на дом – на тёплую печку, на ёлку, которая всё ещё стояла в углу, на их маленькое, хрупкое счастье.

– Мы вернёмся, – сказал Егор, беря её за руку. – Обязательно вернёмся. Когда всё кончится.

Она кивнула, и они шагнули в темноту.

Лес встретил их тишиной и морозом. Луна светила сквозь ветки, отбрасывая синие тени на снег. Они шли быстро, почти бежали, проваливаясь в сугробы, цепляясь рюкзаками за кусты. Где-то позади, в деревне, залаяли собаки. Потом всё стихло.

К станции вышли за полночь. Замёрзшие, мокрые, выдохшиеся. Маленький вокзал светился одним окном – там дремала дежурная. Егор купил билеты до областного центра, и они сели на скамейку ждать.

– Егор, – прошептала Алиса, когда поезд показался вдали. – А если так будет всегда? Если мы всю жизнь будем бежать?

Он не знал, что ответить. Правды он не знал. Знал только, что выбора у них нет.

– Тогда будем бежать вместе, – сказал он.

Она прижалась к нему, и они вошли в вагон. Поезд тронулся, унося их в новую неизвестность. А позади, в лесу, заметало следы. Белым, чистым, безжалостно красивым снегом.

Глава 7. Чужой город

Областной центр встретил их грязью, ветром и бесконечной суетой вокзала. После лесной тишины этот шум казался невыносимым – громкие объявления по громкой связи, лязг тележек, чужие голоса, чужие лица. Алиса держалась за Егора, как за спасательный круг, и он чувствовал, как дрожит её рука.

Они сняли комнату в частном секторе на окраине, у глуховатой старушки, которая не задавала вопросов и брала наличными без расписок. Комната была маленькая, с продавленным диваном и выдавшим виды шифоньером, но чистая и тёплая. Хозяйка, баба Нюра, покосилась на Алису, но ничего не сказала, только вздохнула и погрозила пальцем: «Чтобы тихо, милые. У меня порядок».

Первые дни ушли на то, чтобы просто отдышаться и понять, что делать дальше. Егор нашёл временную подработку в интернете – правка текстов для какого-то сайта, копеечная работа, но на еду хватало. Алиса сидела дома, боясь лишний раз выйти на улицу. Егор видел, как она мечется по комнате, как вглядывается в окно, как вздрагивает от каждого шума за дверью.

– Так нельзя, – сказал он однажды вечером, когда она в очередной раз подбежала к окну, услышав звук мотора. – Ты себя изводишь.

– А если это они?

– Если они – то спрятаться не получится. Но мы не можем жить в постоянном страхе. Надо что-то решать.

Алиса села на диван, обхватив колени руками. Она похудела за эти дни, осунулась, под глазами снова легли тени.

– Что мы можем решить? – спросила она тихо. – У меня нет документов, я не могу устроиться на работу, не могу снять квартиру, не могу ничего. Я как тень.

Егор сел рядом, взял её за руку.

– А если... если поговорить с твоим отцом?

Она отдернула руку, как от огня.

– Ты с ума сошёл?

– Подожди, – Егор говорил спокойно, хотя внутри всё кипело. – Не сдаваться. Просто поговорить. Объяснить, что ты не вернёшься. Что у тебя своя жизнь. Что ты имеешь на это право.

– Он не поймёт, – Алиса покачала головой. – Он никогда ничего не понимал. Для него я – собственность. Инвестиция. Ему нужно, чтобы я вышла замуж за того, кого он выбрал, родила детей, продолжила род. А счастье... какое счастье? Деньги купят любое счастье, так он считает.

– Тогда нам нужен кто-то, кто сможет на него повлиять. Адвокат. Или...

– Или кто?

Егор задумался. В его мире такие вопросы решались просто – милиция, суд, закон. Но в мире Алисы всё было сложнее. Там закон часто отступал перед деньгами.

– У тебя есть кто-то, кому ты доверяешь? – спросил он. – Из прошлой жизни. Человек, который не предаст.

Алиса долго молчала, перебирая в памяти лица. Потом глаза её чуть ожили.

– Есть, – сказала она неуверенно. – Тётя Галя. Мамина сестра. Она не одобряла отца, после маминой смерти они почти не общались. Она простая, живёт в маленьком городе, работает учительницей. Отец её терпеть не может, считает мещанкой.

– Ты знаешь, как её найти?

– Знаю. Но я не уверена, что она захочет связываться. Ей семьдесят лет, зачем ей проблемы?

– Затем, что ты её племянница, – сказал Егор. – Затем, что семья.

На следующий день Алиса написала письмо. Старомодное, бумажное, от руки. Короткое: «Тётя Галя, это Алиса. Я жива, я в беде, мне нужна помощь. Пожалуйста, не говори отцу. Я сама позвоню через неделю». Отправили с другого конца города, с главпочтамта, затерявшись в толпе.

Неделя тянулась бесконечно. Егор работал, Алиса готовила немудрёную еду на общей кухне, иногда они гуляли по вечерам в парке, держась за руки, как подростки. Город жил своей жизнью – спешили на работу люди, гремели трамваи, продавщицы в ларьках перекрикивались через дорогу. Они были в этом городе чужими, невидимыми, и это давало странное чувство безопасности.

Через неделю Алиса позвонила из автомата на вокзале. Егор стоял рядом, готовый в любой момент прервать разговор. Трубку взяли после второго гудка.

– Тётя Галя, это я.

В трубке повисла тишина, а потом раздался такой знакомый, такой родной голос, что у Алисы перехватило дыхание:

– Алиска! Девочка моя! Где ты? Что с тобой? Я с ума сошла, твой отец рвёт и мечет, по телевизору ничего не говорят, а я...

– Тётя Галя, тихо, тихо, – Алиса с трудом сдерживала слёзы. – Я жива, здорова. Я не одна. Со мной хороший человек. Мы... мы сбежали. От отца. От жениха. От всего.

Тётя Галя молчала, переваривая.

– Господи, – выдохнула она наконец. – Я так и знала. Я всегда знала, что этим кончится. Он же её, бедную, с пелёнок ломал. Алиса, детка, ты где? Я приеду.

– Нет, тёть Галь, не надо. Опасно. Мы сами. Скажите, вы можете помочь? Нам нужно спрятаться по-настоящему. У вас есть знакомые в деревнях, в глуши? Где никто не найдёт?

– Есть, – тётя Галя говорила твёрдо, по-деловому. – У меня подруга в Вологодской области, в забытой богом деревне. Там полтора дома, лес кругом, дорог нет. Паша твой туда не сунется – у него же «цивилизация», как он говорит. Жить можно, я скажу, вас примут. Только как вы доберётесь?

– Доберёмся, – сказала Алиса. – Спасибо, тётя Галя. Я позвоню ещё.

– Звони, детка. И береги себя. Я тебя люблю.

Алиса повесила трубку и долго стояла, прижавшись лбом к холодному пластику автомата. Потом обернулась к Егору. Глаза её блестели, но слёз не было.

– Есть место, – сказала она. – Вологодская область. Глушь. Никто не найдёт.

Егор обнял её, и они долго стояли так посреди шумного вокзала, среди чужих людей, чемоданов и объявлений. Мир крутился вокруг, но для них в этот момент существовали только они двое.

Через три дня они сели в поезд, идущий на север. Вагон был старый, дребезжащий, пахло капустой и мокрыми сапогами. За окном проплывали заснеженные поля, редкие станции, полустанки, бескрайние леса. Егор смотрел на Алису – она спала, положив голову ему на плечо, и во сне лицо её было спокойным, почти детским.

Он думал о том, как странно устроена жизнь. Ещё полгода назад он был одиноким фрилансером в выцветшем «Адидасе», а теперь везёт через полстраны девушку-миллионершу, спасая её от собственного отца. Это не укладывалось в голове, но это было реальностью.

Поезд всё шёл и шёл на север. В тамбуре курили мужики в телогрейках, проводница разносила чай в подстаканниках, за окном темнело. Алиса вздрогнула во сне и что-то прошептала. Егор погладил её по голове, и она успокоилась.

– Всё будет хорошо, – сказал он тихо, хотя сам не знал, будет ли. – Всё обязательно будет хорошо.

И поезд нёс их в эту веру, в эту надежду, в новый, неизведанный край, где, может быть, они наконец обретут покой.

Глава 8. Последний приют

Деревня называлась Глухая Поляна, и название это было удивительно точным. Стоянка, куда они сошли, была даже не станцией – просто деревянный настил у железнодорожного полотна и будка с облупившейся краской, где уже много лет никто не жил. Вокруг до самого горизонта тянулся лес – сосны, ели, замёрзшее болото, редкие поляны, заваленные снегом. Мороз стоял под тридцать, воздух звенел, пар от дыхания оседал инеем на ресницах.

Их никто не встречал. Тётя Галина подруга, баба Нюра (тёзка их прежней хозяйки, но совсем другая – старая, сухая, с руками в узлах от работы), обещала прислать кого-то с лошадью, но, видимо, что-то пошло не так. Егор и Алиса стояли на пустом перроне, оглядываясь по сторонам, и чем дольше они стояли, тем сильнее промерзали до костей.

– Замёрзнешь, – сказал Егор, видя, как Алиса мелко дрожит, хотя была укутана во всё, что у них было. – Давай в будку зайдём, переждём.

Они зашли в старую будку, где пахло мышами и гнилым деревом. Ветер задувал в щели, но всё равно здесь было теплее, чем на открытом воздухе. Алиса прижалась к Егору, и они молча ждали, глядя на узкую полоску железной дороги, уходящую в лес.

Через час, когда начало смеркаться, послышался скрип снега и фыркание лошади. Из-за поворота показались сани – розвальни, грубо сколоченные, с сеном на дне. Правил ими мужик в тулупе и огромных валенках, с бородой, заиндеветшей от мороза.

– Вы, что ль, к бабе Нюре? – крикнул он, не слезая с саней. – Садитесь давай, а то околете.

Они забрались в сани, зарылись в сено. Лошадь тронулась, и началась дорога, которую Егор запомнил на всю жизнь. Лес стоял стеной по обе стороны, тёмный, молчаливый, только снег скрипел под полозьями да изредка ухала сова. Ехали долго, больше двух часов. Алиса задремала у Егора на плече, и он боялся пошевелиться, чтобы не разбудить.

Деревня появилась неожиданно – просто среди леса открылось пространство, десятка полтора домов, заметённых снегом по самые окна. Ни фонарей, ни машин, только редкий свет в окошках да дым из печных труб. Собаки залаяли, когда сани въехали в деревню, но быстро смолкли – признали своих.

Баба Нюра встретила их на пороге своего дома. Старуха была под стать своему имени – сухая, как щепка, но с живыми, быстрыми глазами, которые сразу, с порога, ощупали приезжих с ног до головы.

– Заходите, – сказала она коротко и посторонилась.

В доме было тепло до одури. Пахло хлебом, сушёными травами и ещё чем-то домашним, уютным, забытым. Большая печь занимала половину избы, на полатах лежали кошки, в углу мерцала лампадка перед иконами. Баба Нюра указала на лавку, сама полезла в печь за чугуном.

– Ешьте, – велела она, ставя на стол дымящуюся картошку, солёные грибы, хлеб, сало. – С дороги-то первым делом есть надо.

Они ели молча, жадно, обжигаясь. Алиса, которая месяц назад не знала, с какой стороны подойти к плите, теперь управлялась с деревянной ложкой как заправская крестьянка. Баба Нюра смотрела на них, подперев щёку рукой, и о чём-то думала.

– Тётя Галя моя подруга, – сказала она наконец. – С института ещё. Она за вас просила. Я чужих не пускаю, а своих пушу. Жить будете в баньке. Там печка есть, полати, места немного, но для двоих сойдёт. Весной, если захотите, в избе поможет – огород вскопать, дров наколоть. А так – живите, пока не надо будет уезжать.

– Спасибо, – выдохнула Алиса, и в голосе её была такая благодарность, что баба Нюра только рукой махнула.

– Ладно, спите сегодня здесь. Завтра баньку истоплю, переселитесь.

Та ночь в доме бабы Нюры была самой спокойной за последние недели. Они спали на печи, накрывшись овчинными тулупами, и Егор во сне прижимал к себе Алису, чувствуя, как её дыхание становится ровным и глубоким. Впервые за долгое время он не ждал беды.

В баньке оказалось даже уютнее, чем в доме. Маленькая, рубленая, с крошечным оконцем, она стояла на краю огорода, сразу за которым начинался лес. Внутри – печка-каменка,

широкие полаты, лавка, стол. Баба Нюра выдала им старую посуду, пару одеял, подушки с сеном. Жить можно.

Первое время они просто привыкали к новой жизни. Егор колол дрова, носил воду из проруби на речке, учился ставить силки (баба Нюра обещала научить охотиться, но пока кормила со своего огорода). Алиса топила печь, готовила немудрёную еду, стирала их нехитрые пожитки в корыте. Руки у неё быстро огрубели, от дорогого маникюра не осталось и следа, но она не жаловалась – наоборот, казалось, эта простая, тяжёлая работа даёт ей то, чего не могли дать все деньги мира: чувство нужности, полезности, настоящести.

По вечерам они сидели при керосиновой лампе (свет в деревне давали только на пару часов в сутки), читали старые журналы, которые дала баба Нюра, или просто молчали, глядя на огонь в печке. Иногда Алиса рассказывала – отрывочно, будто вспоминая чужую жизнь. О матери, которая умерла, когда ей было десять. Об отце, который после смерти жены стал ещё жёстче, ещё холоднее. О дорогих школах, где её травили за деньги, о путешествиях, которые были просто сменой декораций, о женихах, которых она видела насквозь с первого взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.